

НОВГОРОДСКИЙ ПОГРОМ

Через год пришел черед и Пимену стать опальным. Царь Иван получил донос, что Новгород собирается изменить. Этому доносу очень хотелось поверить. Ведь в Новгороде сам воздух был пронизан воспоминаниями о былой независимости. Да и в политической структуре города сохранялись следы его прежнего самостоятельного положения. Донос, вероятно, исходил от близкого к старицкому двору новгородского помещика Петра Ивановича Волинского.

Обвинения, выдвинутые против новгородцев, были крайне нелепы, ибо противоречили друг другу. “Изменники”, оказывается, хотели царя Ивана *“злым умыслением извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича”*, Новгород же и Псков *“отдати литовскому королю”*. Никто не спрашивал, какое дело будет заговорщикам до того, кто сядет на русский престол, если они станут подданными короля, и зачем им переходить под чужеземную власть, если они “изведут” царя Ивана и посадят на престол

любезного им князя Владимира? Но отсутствие логики в таких случаях обычно не смущает.

Первой жертвой пал Владимир Андреевич. В конце сентября 1569 года Грозный вызвал его к себе. Старицкий князь приехал с женой и младшей дочерью. Один из царских поваров дал показания, что Владимир Андреевич подкупал его, чтобы отравить царя. Иван приказал брату, его жене и дочери выпить заранее приготовленную отраву. (Повара-лжесвидетеля, знавшего слишком много, казнили меньше чем через год.) В те же дни в далеком Горицком монастыре были убиты мать удельного князя княгиня Ефросинья с двенадцатью монахинями. По одним сведениям, их утопили в Шексне, по другим - удушили дымом в судной избе.

Через два месяца, в конце ноября - начале декабря, опричное войско вышло в поход. Целью боевой операции была не защита отечества, не война против иностранного государства, а разгром русского города - Новгорода. Впрочем, не только его.

Вот опричники подошли к Твери, первому крупному городу на пути к Новгороду. Здесь был учинен страшный погром: убили несколько тысяч человек. Царь Иван хотел обеспечить внезапность своего появления в Новгороде, а потому передовому отряду во главе с Василием Григорьевичем Зюзиным было поручено уничтожать все живое на своем пути. Сотни людей погибли в Клину и Вышнем Волочке. В Торжке истребили всех находившихся там пленных немцев, поляков и татар.

Но в Твери была проведена еще одна акция. Неподалеку от города жил в заточении бывший митрополит Филипп. Вероятно, в голове у царя возник хитрый план. Ведь главным обвинителем Филиппа был новгородский архиепископ Пимен, а теперь острое опричного удара направлено против самого Пимена. Неужели же Филипп не порадуетя гибели своего врага? Если же поход на Новгород благословит сам Филипп, пострадавший за то, что осуждал жестокости опричнины, то общественное мнение, конечно, будет считать справедливой расправу с новгородцами. Деликатное поручение договориться с филиппом царь возложил на Малюту Скуратова.

Именно тогда начинает восходить звезда этого будущего временщика царя Ивана. Пройдет немного времени, и его будут уже называть думным дворянином Григорием Лукьяновичем Бельским *.

* Малюта было его вторым, "мирским" именем, Скурат - вторым именем отца; фамилия Малюты - Бельский.

До похода на Новгород он был всего лишь одним из второстепенных деятелей опричнины, главным образом - исполнителем приговоров о казнях. Палачество было для него своеобразным призванием. Таким он и вошел в

фольклор, а следовательно, и в народную память. В “Песне о гневѣ Грозного на сына” он фигурирует как *“Малая Малюточка Скурлатов сын”*. В одном из вариантов, когда он получает приказание казнить царского сына, то как мастеровой, почти бескорыстно любящий свое ремесло, восклицает:

*Ай же, Грозный царь Иван
Васильевич!
А моя-то работушка ко мне
пришла.*

Отправляя Малюту для переговоров с Филиппом, царь совершил ошибку, обычную для аморальных людей: мерил нравственность Филиппа по себе. Тот же был совершенно другим человеком и отказался благословить разбойничью экспедицию опричников. Тогда Малюта, вероятно, по заранее полученной инструкции, задушил Филиппа, а выйдя, сказал, что старец Филипп умер от духоты в келье.

Наконец, 2 января 1570 года передовой полк опричников подступил к Новгороду. До подхода основных сил опричники этого полка опечатали казну в монастырях, церквях и домах богатых людей, арестовали многих духовных лиц и купцов. Вечером 6 января к городу подошел сам царь и остановился возле Новгорода. Через день, на воскресенье 8 января был назначен его торжественный въезд в город. Как было положено, на мосту через Волхов царя встретил архиепископ Пимен с духовенством, в руках у архиерея был *“животворящий крест господень”*, который царь должен был по обычаю поцеловать. Но *“государь ко кресту не пошел”* и вместо этого произнес речь.

Он заявил Пимену, что он - не пастырь и учитель, а *“волк и хищник и губитель”*, в руках же у него *“не крест животворящий, но вместо креста оружие”*, которым он, *“злочестивый”* и его *“единомысленники, града сего жители, хотите... Великий Новѣград предати иноплеменником, королю полскому Жигимонту Аугусту”*.

“Таковая яростная словеса изглаголав”, царь Иван тем не менее отправился вместе с опричниками на богослужение в собор святой Софии, а затем в столовую палату архиепископского дворца на торжественный обед, который Пимен давал в честь государя.

После того как царь и его приближенные как следует наелись и напились, Грозный испустил свой опричный разбойничий клич: *“Гойда!”* По этому сигналу гости арестовали хозяев, и начался самый страшный эпизод опричнины - шесть недель новгородского погрома.

Народную память о зверствах Грозного в Новгороде сохранил фольклор. В одной из песен царевич Иван Иванович с удовлетворением напоминает отцу: *“А которой улицей ты ехал, батюшка, всех сек, и колот, и на кол сажал”*. Жертвой царского гнева пали не только взрослые мужчины, но и их жены и дети (*“мужский пол и женский, младенцы с сущими млекопитаемыми”*). Людей убивали разными способами: их обливали горячей смесью (*“некою составною мукою огненною”*) и поджигали, сбрасывали живыми под лед Волхова, привязывали к быстро несущимся саням... Изобретательность палачей была беспредельна. *“Тот... день благодарен, коего дни ввергнут в воду пятьсот или шестьсот человек”*, - сообщает летописец; в иные же дни, по его словам, число жертв доходило до полутора тысяч. А погром продолжался больше месяца, с 6 января по 13 февраля.

Сколько же было всего жертв? Разумеется, на этот вопрос трудно ответить достоверно, тем более что точной регистрации казненных, конечно, не вели. Если верить приведенному летописному рассказу, то легко рассчитать, что должно было погибнуть около 20 - 30 тысяч человек. Такие же, а то и большие цифры называют иностранные авторы. Они, однако, маловероятны: ведь все население Новгорода не превышало в это время 30 тысяч человек. В другой новгородской летописи есть сообщение, что через семь с небольшим месяцев после “государева погрома” в Новгороде состоялось торжественное отпевание жертв, похороненных в одной большой братской могиле (*“скудельнице”*); могилу вскрыли и посчитали тела; их оказалось 10 тысяч. Но единственное ли это место погребения погибших? Вероятно, все-таки цифра 10 - 15 тысяч человек будет близка к истине.

Некоторое время тому назад советский историк Р.Г. Скрынников пришел к иному выводу о числе погибших в Новгороде. Чтобы понять ход его рассуждений, необходимо остановиться на одном источнике - так называемом “Синодике опальных”. Синодиками в это время именовали ведущиеся в монастырях и церквях книги, куда заносили имена тех, чьи души надлежало поминать во время богослужения. Такое посмертное поминовение могло, как думали, избавить покойных грешников, не успевших покаяться, от адских мук. В конце царствования Иван IV распорядился составить синодик, куда были внесены имена казненных по его приказу людей, и списки с этого синодика вместе с обширными денежными вкладами разослал по монастырям.

Ѹзбѣнныа вoprшннх.
 а поѹтъ понѣ понахн доу.
 на . з . нѣн в четвѣргъ по пацѣ
 помани гнѣш а оусопши
 рабъ свои . і рабыни . оуби
 ѣнныхъ . кнѣзи . і кнѣзи .
 і всѣ православны хрѣтіан
 мѣже капола . н же не ка .
 і коу хъ нменѣ і не пнсамы .
 Прѣвнаго сѹцѣнашего . і гъ
 мена нѣкопа . кнѣза фео
 дора . днмнтрѣа . георгѣ .

Запись в синодике Ивана Грозного о поминании убитых

Нет, это не было пусть и запоздалым, но хотя бы раскаянием. Дело в другом. Многие, если не большинство, погибших от рук опричников не исповедовались перед смертью, не калялись в грехах и не получали их отпущения. Вместе с тем считалось, что за грехи человека, погибшего без покаяния, на том свете должен расплачиваться не только сам грешник, но и тот, по чьей вине покойный не смог исповедаться. Царь Иван, религиозный, как и все люди средневековья, спасал себя.

Но когда взялись за составление синодика, со времени многих казней прошел не один год, а то и не один десяток лет, многие погибли безымянными. Поэтому в синодике немало пропусков, часто вместо имен встречаются простые указания на место казней и количество погибших с прибавлением мрачной формулы: "...а имена их ты сам веси (знаешь. - В. К.), господи".

Над изучением синодиков плодотворно работал С.Б. Веселовский. Его труд был успешно продолжен Р.Г. Скрынниковым, который установил, что имена жертв записаны в Синодике не в беспорядке: как правило, вместе называются казненные по одному делу. Еще Веселовский показал, что главным источником для составления синодика послужили отчеты палачей и убийц. Есть в синодике и запись о новгородском погроме:

“По Малютинские новгородские посылки (посылка - поручение, задание. - В. К.) отделано скончавшихся православных христиан тысяща четыреста девяносто человек, да из пищалей стрелянием пятнадцать человек, им же имена сам ты, господи, веси”.

На этом основании Р.Г. Скрынников сделал вывод, что жертв было гораздо меньше. К числу 1505, имеющемуся в синодике, он прибавил поименно названных новгородцев и заключил, что в синодике перечислено 2170 - 2180 жертв новгородского погрома. Далее исследователь справедливо отметил, что донесения не могли быть полны, что многие действовали *“независимо от распоряжений Скуратова”* и допускает возможность, что погибло три-четыре тысячи человек.

Однако все это рассуждение основано на допущении, что Малюта Скуратов был главным распорядителем новгородского погрома. А между тем доказательств этого предположения у нас нет. Более того, маловероятно, чтобы в присутствии самого царя и его сына карательными акциями распоряжался только или хотя бы главным образом Малюта. Если это так, то 1505 человек - это цифра из отчета только одного из нескольких карательных отрядов. 10 - 15 тысяч жертв остается наиболее вероятной цифрой.

Погром состоял не только из убийств, хотя они естественно более всего действуют на чувства не только современников событий, но и на наши. Это был широкомасштабный, тщательно организованный грабеж. У всех новгородских монастырей и церквей было конфисковано имущество.

Монахи и священники не хотели отдавать церковные ценности. Тогда их ставили на *“правеж”* - принудительное взыскание долгов или недоимок по налогам. Состоял он в том, что должника ежедневно в течение двух часов били палками по ногам. Некоторые священники выдержали целый год *“правежа”*, многие погибли, забитые насмерть. Из Новгорода вывезли иконы и драгоценности. Даже церковные двери.

Существует легенда (скорее всего - только легенда), что как-то в первые послевоенные годы Новгородский музей обратился в Александровский музей Владимирской области с просьбой вернуть ценный экспонат, взятый на временное хранение царем Иваном IV. Речь шла о выдающемся памятнике русского средневекового прикладного искусства - знаменитых Васильевских вратах 1336 года работы мастера Ипатия из Новгородского Софийского собора. Сегодня их можно видеть в Успенском соборе в Александрове.

Считавшийся главой новгородских *“изменников”* архиепископ Пимен остался в живых, но царь вдоволь поиздевался над этим в недавнем прошлом беспрекословным исполнителем его воли. Рассказывают, что Грозный приказал переодеть архиепископа в скоморошью одежду и заявил ему, что,

поскольку он теперь не архиерей, а скоморох, ему нужна жена. Привели кобылу. *“Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас”*, - сказал царь Иван Пимену. Архиепископа привязали к лошади, дали в руки гусли и под конвоем отправили в Москву. По дороге он был обязан играть на гусях. Откровенно говоря, Пимен - одна из немногих жертв царя Ивана, не вызывающих сочувствия: очень уж рьяно он в свое время добивался осуждения митрополита Филиппа. Из Москвы Пимена отправили в ссылку в Вeneвский монастырь, где он и умер через год с небольшим.

Погром не ограничился городом, а перекинулся в его близкие и далекие окрестности, в Новгородскую землю. Свое участие в этих деяниях описал один из опричников - Генрих Штаден. К числу положительных качеств его записок как источника относится то, что их автор настолько лишен морали, что не стыдится никаких, самых мерзких своих поступков, не пытается как-то себя приукрасить. Отсюда редкая достоверность его воспоминаний.

По словам Штадена, когда он узнал, что царь Иван все награбленное свозит к себе и не собирается ни с кем делиться, то решил создать свой собственный отряд. Слуги Штадена ловили по дорогам людей и расспрашивали, *“где - по монастырям, церквам или подворьям - можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней”*. Тех, кто *“не хотел добром отвечать”*, пытали. Штаден описывает, как он грабил одну усадьбу:

“Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей”.

В другом же месте, в одном из посадов Штаден, по его словам, *“не обижал никого. Я отдыхал”*. Свой рассказ опричник завершает хвастливой фразой: *“Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ью, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра”*.

Участие в походе на Новгород принесло Штадену не только обогащение:

“Тогда-то великий князь и сказал мне: «Отныне ты будешь называться - Андрей Володимирович». Частица «-вич» означает благородный титул... В этой стране всякий иноземец занимает лучшее место, если он в течение известного времени умеет держать себя согласно с местными обычаями”.

Тот же Штаден пишет, что опричники вывозили крестьян из вотчин и поместий земских *“насильством и не по сроку”*, то есть не в Юрьев день (26 ноября), когда крестьяне имели право менять своих владельцев. Естественно,

такие вывозы должны были в первую очередь происходить из Новгородской земли. У нас есть тому и документальное подтверждение. Сохранились описания разоренных сел и деревень Новгородской земли. Там можно, например, прочесть, что крестьян из одного села вывезли люди Демида Ивановича Черемисинова. А это был опричник, который приезжал в Новгород за награбленной казной.

Новгородский погром произвел страшное впечатление на всю страну. Нет ни одного *летописца* *, хотя бы самого краткого, где не было бы записи под 1570 годом о том, что “*царь и великий князь громил Великий Новгород*”. Даже в XVIII веке в Новгороде продолжали переписывать повесть “О приходе царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца, како казнил Великий Новѣград, еже оприщина и розгром именуется”.

* Летописец - небольшая летопись

Из Новгорода царь Иван проследовал в Псков. Там такого, как в Новгороде, погрома не было. Были, разумеется, казни (как же Ивану Грозному без казней-то обойтись?), погибло, возможно, несколько десятков человек.

Среди жертв были игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий и келарь Вассиан Муромцев. Они были действительно одиозными для царя фигурами. Корнилий был создателем летописного свода, в котором оплакивал падение независимости Пскова в 1510 году. Вассиан Муромцев был дружен с Курбским, ему князь писал незадолго до своего побега. В Пскове опричники ограбили монастыри и многих горожан. Но пробыл здесь царь недолго. Говорят, что местный юродивый Никола напугал Грозного пророчеством, что ждут его великие несчастья, если он не оставит Псков в покое. Как провозвестник этих грядущих бед внезапно пал царский конь.

Юродивым верили, их боялись и не решались затронуть, что бы они ни говорили. Царь ушел из Пскова. Выступление юродивого было, разумеется, не главной причиной. Давнее соперничество Пскова с Новгородом (Псков был некогда “пригородом” Новгорода, то есть подчиненным ему городом, но потом добился самостоятельности) делало его в глазах царя, ненавидевшего Новгород и новгородцев, менее подозрительным.